

Л.А. Тихомиров

**Начала и концы.
"Либералы" и террористы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.А. Тихомиров**
Начала и концы. "Либералы" и террористы / Л.А. Тихомиров – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 123 с.

ISBN 978-5-458-17311-7

ISBN 978-5-458-17311-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

порядка дѣлать себѣ кумира“, и т. п. Привывши къ смягченной формулѣ, обостряютъ ее немного, потомъ еще и еще. Это дѣлается не съ какимъ-нибудь тонкимъ разчетомъ, не разумомъ, вдохновляемымъ злою волей, а именно отсутствіемъ разума. Очень немногіе, исключительно прозорливые умы способны заранѣе предусмотрѣть конечные выводы даннаго міросозерцанія. Но въ какую бы нелѣпую толпу ни была вложена извѣстная идея, она непремѣнно сама, шагъ за шагомъ, скажетъ постепенно свой выводъ. Разумъ способный предвидѣть его борется заранѣе, обличаетъ самую идею въ ложности. Безсмысліе, не предвѣщающее вывода, не борется, осваивается съ идеей, привыкаетъ къ ней какъ въ математической аксіомѣ, и потомъ, подходя наконецъ къ выводу, невольно уже и ему подчиняется, хотя бы съ отвращеніемъ, какъ чему-то неизбѣжному. Что, дескать, дѣлать? Можетъ-быть пріятнѣе было бы если-бы земля насъ не притягивала, но это—законъ природы.

Вопросъ: „точно ли законъ приро-

ды? не есть ли вздоръ въ самомъ основаніи идеи приводящей къ нелѣпому или преступному?“—этотъ вопросъ можетъ легко представиться среднему, дюжинному уму, пока онъ не увѣровалъ въ свою идею какъ въ явчто абсолютно истинное. Но разъ онъ затвердилъ ее совершенно наизусть—дѣло кончено. Онъ слишкомъ слабъ чтобы не закончить своего логического круга до конца. Какія бы ни происходили бѣдствія, нелѣпости, онъ все будетъ болѣе склоненъ къ болѣе легкому, то-есть будетъ искать дѣварства не въ критикѣ основъ, а во все болѣе и болѣе логическомъ ихъ примѣненіи. Плохо дѣйствуетъ конституціонная монархія, онъ попробуетъ республику, уничтожить цензы, введетъ всенародное голосованіе законовъ, раздробитъ власть чуть не между всѣми деревнями, дойдетъ до *liberum veto*, попробуетъ идеи современныхъ анархистовъ, уже произнесшихъ послѣднее слово „самоуправленія“, въ видѣ *l'autonomie individuelle*,—словомъ, перепробуетъ всѣ выводы до по-

слѣднаго звена , и ужь развѣ окончательно ударившись лбомъ объ стѣну, способенъ будетъ воскликнуть: „какой же я однако былъ идиотъ, вѣдь идея-то просто чужь; мудрено ли что изъ нея ничего не выходитъ!“

Бъ сожалѣнію, это наглядное обученіе стбѣтъ слишкомъ дорого. Въ немъ ставится на карту самое существованіе страны.

И потому-то выгоднѣе если созрѣваніе ложной идеи не затягивается слишкомъ надолго. Выгоднѣе если она, еще не охвативъ и не ослѣпивъ большихъ народныхъ слоевъ, показываетъ на чемъ-нибудь маломъ свое приблизительно последнее слово пока въ странѣ еще находится достаточно свѣжихъ силъ способныхъ воспользоваться указаніемъ.

2.

Такое указаніе Россія пережила въ семидесятыхъ годахъ. За исключеніемъ смутнаго времени, у насъ не было испытанія болѣе тяжелаго. Это не было монгольское иго, вражеское нашествіе,

бѣдствіе вѣшняго происхожденія, но
явленіе внутренняго, собственнаго на-
шего духовнаго разложенія, гдѣ

Находишь корень зла въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

Эта болѣзнь... къ смерти ли? въ боль-
шей ли славѣ Божіей? Вопросъ рѣшает-
ся нами самими, нашею способностью
понять указаніе и съ нимъ сообразовать-
ся. Если у насъ не хватитъ смысла даже
на это, небо дѣйствительно нельзя об-
винить ни въ чемъ. Какою-то странною
ошибкой, непростительнымъ съ точки
зрѣнія революціонера промахомъ, ка-
кою-то странною, необъяснимою съ пра-
вительственной точки зрѣнія поблаж-
кой, „передовое“ „культурное движе-
ніе“ въ немного дѣтъ было ободрено
настолько что изъ своихъ неприступ-
ныхъ позицій легальной дѣятельности
вышло въ открытое поле. Умолчанія
всякя „съ одной стороны нельзя не
допустить, съ другой нельзя не сознать-
ся“, „езоповскій языкъ“ и влинообраз-
ная либеральная логика, гдѣ не только
простодушный обыватель, но и самъ

чортъ ногу сломить,—все это отброшено, выводы дѣлаются прямо, смѣло, человѣческимъ языкомъ, слово не расходится съ дѣломъ. Вихорь закрутился со всею силой какая доступна горсти охваченныхъ имъ жертвъ, и въ немного лѣтъ описываетъ полный логическій кругъ. Концы соединяются съ началами.

Зашумѣлъ, закрутилъ, раздавилъ что могъ, и стихъ, какъ будто спрашивая: „Нравится ли вамъ? Этого ли вы желаете? Или чегонибудь еще поворудите? Въ такомъ случаѣ продолжайте, господа, а за мной дѣло не станетъ. Только заготовляйте мнѣ побольше матеріалу.“

Стоимъ и мы, и спрашиваемъ себя: „этого ли хочетъ Россія?“ И на кого ей жаловаться, если она все-таки ничего не пойметъ, ничего не измѣнитъ? Въ концѣ концовъ, нація желающая существовать обязана имѣть нѣкоторое количество здраваго смысла. Еслибъ она не могла понимать даже самыхъ ясныхъ фактовъ совершающихся предъ ея глазами, развѣ справедливость не требуетъ чтобъ она очистила свое мѣсто въ исторіи для кого-нибудь болѣе способнаго?

3.

Оставляя будущее будущему, нельзя не сказать что въ настоящемъ и прошломъ самое вредное обстоятельство составляло и составляетъ не существованіе и проповѣдь чистыхъ революціонеровъ, а то что множество людей для себя и для другихъ выставляютъ чисто революціонную проповѣдь чѣмъ-то совершенно оторваннымъ отъ общаго міросозерцанія нашего образованнаго общества. Это дѣлается иными—по дѣйствительному непониманію, другими—изъ желанія замаскировать свою собственную пропаганду, третьими—подъ вліяніемъ оскорбленнаго патріотическаго чувства, не способнаго переварить мысли о всей глубинѣ паденія политическаго смысла въ цѣломъ огромномъ слоѣ. При какихъ бы то ни было побужденіяхъ,—это ошибка или ложь, которая выгодна лишь для людей, втихомолву продолжающихъ выработку революціонеровъ.

Правду, сколь бы ни была она печальна, выгоднѣе знать и ясно себѣ представлять.

4.

Поколѣніе семидесятыхъ годовъ кто угодно и какъ угодно можетъ бранить, не я ему стану противорѣчить. Но всѣ эти порицанія еще въ сильнѣйшей степени будутъ падать на духовныхъ отцовъ, воспитателей, создавшихъ поколѣніе семидесятыхъ годовъ, заранѣе обрекшихъ его на безплодіе и гибель. Это было истинно „поколѣніе проклятое Богомъ“, какъ обмолвился одинъ поэтъ его. Собственно говоря, оно было до такой степени подготовлено что чисто революціонной пропагандѣ въ немъ почти нечего было дѣлать. Потому то они и шли такъ легко. Не было бездарности не способной ее вести, а мало-мальски способный человѣкъ торжествовалъ безусловно повсюду куда ни являлся.

Въ 1873 — 74 году по всей Россіи разыскивали нѣкоего Дмитрія Рогачева. У слѣдователей онъ приобрѣлъ репутацію знаменитости, и дѣйствительно — многихъ онъ привелъ на путь революціи. Я, помню, былъ крайне удивленъ услышавъ объ этихъ подвигахъ: Рoga-

чева я прекрасно зналъ. Это было добродушнѣйшее существо, силачъ, богатырь сложеніемъ, но столь, какъ говорится, простъ, столь несвѣдущъ что вружомъ Чайковцевъ, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ къ Рогачеву, никакъ не рѣшился принять его въ число членовъ. Кого и въ чемъ могъ онъ убѣдить? Въ послѣдствіи, уже арестованный, онъ началъ писать свои воспоминанія и усердно потѣлъ надъ ними. Кое-кто изъ адвокатовъ, имѣвшихъ случай видѣть это произведеніе „знаменитаго пропагандиста“, на процессѣ 193хъ удостоившагося мѣста среди пяти „наиболѣе отличныхъ“, были до жалости разочарованы. Дѣйствительно, трудно себя представить что-нибудь болѣе, — не говорю уже литературно-бездарное, — но пустое, безъ одной искры содержанія. Этотъ человекъ, исколесившій полъ-Россіи, побывавшій въ разнообразныхъ кружкахъ интеллигенціи, въ рабочихъ артеляхъ, среди бурлаковъ, сектантовъ и т. д., даже ничего не замѣтилъ, не запомнилъ, какъ будто онъ всѣ эти два три года оставался зарытымъ въ землю.

И онъ-то десятками „сворачивалъ“ молодежь! Понятно что въ действительности онъ никого и ничего не сворачивалъ. Онъ бралъ *готовое*. Онъ былъ ходячее знамя, около котораго сами собирались.

Нѣкто, какъ видно по разказу, бывшій морской офицеръ разказываетъ въ старомъ эмигрантскомъ журналѣ (*Вѣстникъ Народной Воли*, т. V, стр. 64),—и притомъ очень не дурно,—сцену своего „сворачиванія“. Извѣстный Сухановъ (государственный преступникъ, въ послѣдствіи казненный) устроилъ у себя политическую конференцію. Ораторствовалъ не менѣе извѣстный Желябовъ. Онъ вполнѣ, не стѣсняясь, изложилъ свои планы. „При первыхъ словахъ „мы — террористы - революціонеры“, разказываетъ очевидецъ, всѣ какъ бы вздрогнули и съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Беззаботная, довольно веселая компанія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожею на группу загсверщиковъ. Лица поблѣднѣли, глаза разгорались. Когда онъ кончилъ, начались

оживленные разговоры, строились всевозможные планы самаго террористическаго характера. Еслибы въ это время вошелъ посторонній человекъ, онъ подумалъ бы что попалъ на сходку рьяныхъ террористовъ. Онъ, восклицаетъ авторъ, не повѣрилъ бы что за часъ до этого *все эти люди частію не думали о политикѣ, частію относились даже съ порицаніемъ къ террористамъ.*“

Что означаетъ эта сцена? Пересоздалъ ли ораторъ этихъ людей за 1/2 часа? Такой вздоръ стыдно даже подумать. Авторъ воспоминавій самъ прекрасно объясняетъ какъ онъ съ товарищами „не думали о полетивъ“ или „относились съ порицаніемъ“. Дѣло очень просто. „*Искренне ненавижу* и т. д.“,—говорить онъ,—„мы не вѣрили въ возможность скорого переворота въ Россіи; наши желанія дѣятельности сводились къ стремленію работать въ земствѣ. Мы мечтали, выйдя въ отставку, попасть въ земство и посредствомъ него вести борьбу съ правительствомъ. Въ силу революціонной партіи мы не вѣрили“ (стр. 61).